

УДК 94(3-924.71)"04/05"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315

EDN ATHLSB

Оригинальное исследование

Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв.

Фомин М.В.

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;
E-mail mike.v.fomin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в этническом составе жителей позднеантичного Херсонеса. В IV–V вв. происходил процесс трансформации позднеантичного города в ранневизантийский центр. Частью его были глобальные изменения, в том числе и в этническом составе населения города. Влияние местного греческого населения, потомков колонистов-основателей постепенно уменьшалось. В городе появляются мигранты из различных регионов, их количество и влияние постепенно растет. Среди горожан формируется община малоазийских греков, начинается проникновение сармат, вместе с римскими войсками пришли выходцы с Дунайских провинций, существовала иудейская диаспора. В 80-е гг. IV в. происходит резкое увеличение сарматской составляющей. Письменные источники позволяют связать это с конфликтом между христианами и язычниками в городе. Распространение христианства среди горожан обострило противоречие между местной аристократией и диаспорами мигрантов. В ответ на гонения против христиан были высланы лидеры языческой партии. На их место заселены «верные» из числа крещенных жителей Таврики. Это привело к значительным переменам не только в социальной и политической ситуации в городе, но и в этническом составе населения.

Ключевые слова: Херсонес, христианство, Херсонесская епархия, Римская империя, некрополь, погребальные сооружения

Для цитирования: Фомин М.В. 2025. Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 306–315. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315. EDN: ATHLSB

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Population of Late Antique Chersonesos in the 4th and 5th Centuries

Mikhail V. Fomin

Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia
E-mail mike.v.fomin@gmail.com

Abstract. The article examines changes in the ethnic composition of the inhabitants of late antique Chersonesos. In the 4th – 5th centuries, the process of transformation of the late antique city into an early Byzantine center took place. Global changes were a part of transformational process, including the ethnic composition of the city's population. The influence of the local Greek population, descendants of the founding colonists, gradually diminished. Migrants from various regions appeared in the city, their number and influence gradually grew. A community of Asia Minor Greeks formed among the townspeople, the penetration of the Sarmatians began, people from the Danube provinces came with the Roman troops, and there was a Jewish diaspora. In the 80s of the 4th century, there was a sharp increase in the Sarmatian component. Written sources allow us to connect this with the conflict between Christians and pagans in the city. The spread of Christianity among the townspeople exacerbated the contradiction between the local aristocracy and the diasporas

of migrants. In response to the persecution of Christians, the leaders of the pagan party were exiled. Their place was taken by the "faithful" from among the baptized inhabitants of Taurica. This led to significant changes not only in the social and political situation in the city, but also in the ethnic composition of the population.

Keywords: Chersonesos, Christianity, Chersonese diocese, Roman Empire, necropolis, burial structures

For citation: Fomin M.V. 2025. The Population of Late Antique Chersonesos in the 4th and 5th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 306–315 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315. EDN: ATHLSB

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Вопрос трансформации провинциального позднеантичного города в ранневизантийский и сегодня остается слабо изученным в литературе [Романчук, 2008, с. 117]. В немалой степени это связано со слабой изученностью таких центров. Многие из них скрыты под застройкой более позднего времени (как Афины, Фессалоники, Антиохия, Александрия) или находятся в зоне вооруженных конфликтов (города Сирии), что значительно затрудняет их исследование. Этот процесс был связан с глобальными изменениями, охватившими все стороны жизни, от экономики до социальной составляющей. Особый интерес представляют этнические процессы, происходившие в таких городах. В связи с этим отдельного внимания заслуживает Херсонес – город на границе ромейского мира и мира варваров. На его территории продолжают раскопки с 80-х гг. XIX вв., сформировался научно-исследовательский центр, а накопленный материал позволяет проследить в том числе этнические процессы, происходившие на переломе эпох.

Цель исследования: реконструкция этнических процессов, происходивших в Херсонесе в IV в. в период трансформации позднеантичного полиса в раннеромейский центр.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является трансформация этнического состава населения позднеантичного Херсонеса.

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности. В основу данной научной статьи был положен системный подход, давший возможность комплексного изучения доступных письменных источников и накопленных археологических материалов.

Результаты и их обсуждение

Элементы истории города, социальных и политических событий, этнической ситуации нашли отражение в текстах «Житий епископов херсонских». Первоначальный текст не сохранился, но известно несколько вариантов его переводов и пересказов [Сорочан, 2005; Виноградов, 2010; Могаричев и др. 2012]. Значительную роль играют также материалы некрополя и находки, сделанные на территории городища. Среди них выделяются погребальные сооружения и сопутствующий погребениям инвентарь; надгробия и тексты эпитафий; украшения и бытовые предметы, открытые на территории города и в его ближайших окрестностях. Традиционно выводы об этническом составе населения были основаны на анализе собственных имен, которые указывались в декретах и эпитафиях. Значительная коллекция эпиграфических памятников была собрана и опубликована в рамках проекта «IOSPE: Древние надписи Северного Причерноморья» (Византийские надписи). Также об этнических процессах свидетельствуют памятники позднеантичного некрополя, изменения в архитектуре погребальных сооружений, инвентаря, обряда и традиций [Зубарь, 1982, с. 28].

Немалую роль мог бы сыграть антропологический материал, но длительное время человеческим останкам уделялось недостаточно внимания. Это существенно сокращает базу артефактов, доступных для исследования. В числе первых анализ остеологического материала приводит К.Ф. Соколова [Соколова, 1959, с. 73–74]. В разное время вопросы антропологии рассматривали в своих трудах Г.П. Зиневич [Зиневич, 1973] и Т.А. Назарова [Назарова, 1990, с. 26–31; Назарова, 2002]. В 2016 г. увидела свет монография А.В. Иванова [Иванов, 2016]. При этом все авторы опирались на ограниченное количество предметов исследования, что значительно влияет на результаты [Иванов, 2016, с. 38–76].

Совместный анализ различных групп доступных источников позволяет проследить некоторые элементы сложных этносоциальных процессов, сопутствовавших трансформации античного Херсонеса в ромейский Херсон.

Вопрос этнической истории Херсонеса в своих трудах затрагивал ряд специалистов. Так, В.И. Кадеев [Кадеев, 1981] и В.М. Зубарь [Зубарь, 1982] рассматривали вопрос населения города в I–III вв. С.Б. Сорочан [Сорочан, 2005], А.И. Романчук [Романчук, 2008] уделяли значительное внимание процессам, происходившим в Византийском городе. Но, к сожалению, они обошли вниманием этническую ситуацию в период трансформации античного полиса в византийский провинциальный центр и ее влияние на социальные процессы в городе.

Анализ имен горожан, содержащийся в эпитафиях, позволяет утверждать, что основная масса населения в I–III вв. имела греческое происхождение. Помимо потомков колонистов, были выходцы с греческих полисов Северного Понта, проникновение которых началось в период Митридатовых войн [Зубарь, 1982, с. 27–28]. В.И. Кадеев, анализируя тексты эпитафий, выделял 360 имен, относящихся к этому периоду: 287 (70,5 %) – греческие; 103 (25,5 %) – латинские, 3 – иранские (скифо-сарматские), 3 – фракийские, 6 – малоазийские, 5 – неясного происхождения [Кадеев, 1981, с. 86–87]. А.В. Иванов указывает на некоторое влияние облика горожан населения Юго-Западной Таврики, подчеркивая при этом, что в культурном плане город сохранял свой греческий облик [Иванов, 2016, с. 58–59]. Фактически сегодня нет оснований говорить о варваризации населения города, как это было на Боспоре или в Ольвии в период поздней античности [Кадеев, 1981, с. 107–127; Зубарь, 1982, с. 118–120].

Греческое население. По мнению В.И. Кадеева, в I–III вв. н. э. в городе сохранялось преобладание греческого населения, сумевшего сохранить свою культурную идентичность [Кадеев, 1981, с. 85]. Более того, об особом консерватизме херсонеситов упоминает Плиний Старший [Plin. N. H., II, 85]. Среди горожан выделяется прослойка местной аристократии, которая могла вести свое происхождение от первых колонистов. Они обладали значительными земельными наделами и фактически управляли внутриполитическими процессами в городе [Антонова, Яйленко, 1995, с. 84; Зубарь, 2004, с. 265, 522–523]. В Житиях епископов херсонских они упоминаются как «протовеоны», «первенствующие».

Выходцы из Малой Азии. Среди горожан присутствовали и малоазийские греки. С этим регион Херсонес имел давние экономические связи [Кадеев, Сорочан, 1989]. Они формировали торгово-ремесленную прослойку [Зубарь, 2004, с. 222] и могли иметь значительные финансовые средства. Их влияние росло и проявлялось даже в такой консервативной сфере как погребальные традиции. С ними связывают появление погребальных сооружений с двускатным перекрытием и нишами для урн (№ 429, 576, 579, 599, 1013, 1014) [Зубарь, 1982, с. 22–25; Буйских, 2008, с. 227–230]. Они были принесены из Восточного Средиземноморья и Малой Азии [Зубарь, 1982, с. 28], как и мраморные саркофаги с рельефами II–III вв., которые использовались и до середины IV в. [Белов, 1940, с. 266–287; Белов, 1966, с. 24–28; Буйских, 2008, с. 229–232], фрагменты которых открыты в средневековых слоях [Белов, 1938, с. 35–66; Белов, 1940, с. 266–287; Иванова, Чубова, Колесникова и др., 1976, с. 138–157; Буйских, 2008, с. 229–230]. Техника изготовления и конструкция, сюжеты имеют аналогии в Восточном Средиземноморье и Малой Азии [Буйских, 2008, с. 229–230].

В это же время в Северном Причерноморье получают распространение склепы с нишами-лежанками. В Херсонесе они составляют около 13 % от общего числа открытых погребальных

сооружений [Фомин, 2011, с. 255]. Подобные конструкции имеют множество аналогов среди памятников Малоазийского региона [Зубарь, 1982, с. 28; Масленников, 1982, с. 33–43].

Римские военнотружущие, чиновники и их сопровождение. К росту этнического разнообразия вело и размещение в регионе римских войск. С ними прибыли чиновники, ремесленники, купцы. В немалой степени это были выходцы с Западного Причерноморья. Здесь попеременно располагались вексиляции IX Клавдиева, V Македонского и I Итальянского легионов, моряки Ровенской эскадры. Их основные силы дислоцировались в Дунайских провинциях и комплектовались выходцами с этих территорий. Им могла принадлежать группа склепов, в стенах которых были сделаны ниши для установки урн [Зубарь, 1982, с. 31–32] (около 0,5 % от общего числа погребальных сооружений [Фомин, 2011, с. 255]). По своей конструкции склепы близки колумбариям, широко распространенным для погребения по обряду кремации в районах дислокации римских подразделений [Webster, 1969, p. 2371].

Особый интерес представляет склеп со следами полихромной живописи. Так, в склепе № 2/2008 были изображены сцены охоты. Сюжеты нередко связывают с культом фракийского всадника, распространенным на Балканах. Погребенные могли принадлежать к римской администрации и быть выходцами с территории Балканского полуострова, где такие сюжеты распространены в погребальных сооружениях [Фомин, 2014, с. 339–342]. Изображения фракийского всадника встречаются в Херсонесе и на votivных плитках.

Выходцам из Подунайского региона принадлежали шейные гривны, встречающиеся среди погребального инвентаря (№ 101, 105, 117, 142, 363) [Зубарь, Сорочан, 1986, с. 101–130]. Подобные украшения были широко распространены в этом регионе вплоть до раннего средневековья. С Дунайскими провинциями связано также появление Т-образных фибул с луковичными кнопками. Они были отличительным признаком лиц, принадлежавших к римской администрации IV в. [Зубарь, Сорочан, 1986, с. 101–130].

Иудейская община. О существовании еврейской общины в Херсонесе упоминает ряд исследователей [Пятышева, 1967, с. 183–185; Соломоник, 1979, с. 119–125]. Иудеи могли приехать в Херсонес из Малой Азии [Пятышева, 1967, с. 183–185; Соломоник, 1979, с. 119–125].

К иудейским древностям Херсонеса относятся остатки мраморной плиты с греческой надписью, на которой читается еврейское имя Санбатсион; две плиты с изображением семисвечника (одна из них найдена на южном участке некрополя, вторая была вынута из нижнего ряда кладки фундамента апсиды поздней «Базилики 1935 г.») [Соломоник, 1979, с. 119–125]. Иудейские граффити присутствуют в «Базилике 1935 г.», на которых читаются имена Енох, Иуда, Исая, этникон Иудеи [Соломоник, 1979, с. 119–125]. Возник тезис об интерпретации сооружения, предшествовавшего «Базилике 1935 г.», как синагоги (Древняя синагога в Херсонесе, 2013). Сам комплекс был открыт в 1935 г. Г.Д. Беловым и включал остатки трех христианских храмов, сменявшие друг друга [Белов, 1955, с. 257–281].

Сегодня есть основания выделить два строительных периода в ранней постройке. Первоначально здание служило синагогой, позднее сооружение было перестроено в церковь [Пархоменко, Фомин, 2016, с. 3–13; Древняя синагога, 2013, с. 280].

Сарматы. В первые века новой эры начинается проникновение на полуостров сарматских племен. Их присутствие фиксируется в Юго-Западном Крыму и на территории Гераклеийского полуострова. С их появлением в городе связывают подбойные могилы [Зубарь, 1976, с. 42–46; Зубарь, 1977, с. 72; Зубарь, 1982, с. 19] (2,5 % от общего числа погребальных сооружений [Фомин, 2011, с. 255]). Сарматам принадлежали и склепы с круглыми или овальными в плане камерами без лежанок (около 1 % от общего числа исследованных погребальных сооружений [Фомин, 2011, с. 255]). Часть таких склепов может быть отнесена к неоконченным сооружениям [Зубарь, 1977, с. 72], но в ряде случаев это были погребальные сооружения, имеющие аналоги в сарматских могильниках Юго-Западного Крыма III–IV вв. [Зубарь, 1982, с. 29–30; Айбабин, 1984, с. 104–122; Айбабин, 1999, с. 18–24]. Для сармат также характерно использование долбленных гробов-колод, открытых в ряде склепов (№ 1494, 1607, 1609) [Высотская, 1972, с. 93; Шелов, 1972, с. 93].

К предметам сарматского круга стоит отнести бронзовые и серебряные браслеты, украшенные несколькими рядами шишечек [Зубарь, 1982, с. 94–96], браслеты с расширяющимися несомкнутыми концами [Зубарь, 1982, с. 99]. Подобные украшения известны в сарматских погребениях Юго-Западного Крыма со II–III вв. [Высотская, 1972, с. 152, рис. 48]. Среди погребального инвентаря встречается сарматская лепная посуда [Якобсон, 1959, с. 267, рис. 133; Зубарь, 1978, с. 58–61].

Отдельно стоит упомянуть погребения, в которых находились элементы конского снаряжения (№ 404, 696, 1000, 1416, 1447), лошадиные туши или их части (№ 645, 646, 664, 665, 1650, 1889, 124/1909, 141/1910) [Зубарь, Симоненко, 1985, 148–156].

Особый интерес представляет антропологический материал первых веков, среди которого выделяется серия черепов со следами искусственной деформации (около 5 % от общего числа [Фомин, 2011, с. 255]) [Зубарь, 1976, с. 42–46; Кадеев, 1981, с. 121]. Они распространяются во II в., и их количество увеличивается в конце IV–V вв. [Зубарь, 1982, с. 45–46; Иванов, 2016, с. 38–76]. Принадлежность таких черепов представителям сармато-аланского этноса не вызывает сомнений и подтверждается в том числе и другими элементами, открытыми в захоронениях [Зубарь, 1976, с. 43–44].

Изменения в этническом составе в 80-е гг. IV в. Фундаментальные изменения, связанные со становлением христианства в центрах Империи, затронули и Херсонес. Они повлияли на многие стороны жизни, в том числе и на этническую ситуацию в городе в этот период. «Жития епископов херсонских» указывают, что в 16-й год правления Диоклетиана, (299–300 гг.) епископом Иерусалимским Гермоном (Ермоном) в Херсонес направляется св. Василей. Его проповедь приводит к конфликту, он принимает мученическую смерть. Тексты прямо указывают на причину – насаждение в городе «нового». После смерти св. еп. Василия в город по призыву местных христиан прибывают епископы Евгений, Елпидий и Агафодор, направленные из Иерусалима еп. Гермоном. За свою проповедь они также принимают мученическую смерть [Житие епископов херсонских, 2012, с. 25–26, 32–35, 39–40, 60–61, 82–84]. Христианская община поддерживала контакты с малоазийскими братьями, именно к ним они обратилась за помощью и новым епископом [Житие епископов херсонских, 2012, с. 25–26, 60–61]. Это позволяет предположить, что христианство в городе распространяется в первую очередь среди выходцев из этого региона. Ответом на рост числа христиан были гонения, об их масштабах косвенно свидетельствуют и памятники некрополя [Фомин, 2015, с. 225–232].

Изменения внутривластной (централизация власти в Империи) и внешнеполитической ситуации (появление гуннов) во второй половине IV в. привели к необходимости усилить контроль за ситуацией в Херсонесе как важнейшем центре региона. К этому времени в Империи христианство обретает особую роль, став фактически государственной религией, принимается ряд законов, ограничивающих язычество. Конфликт внутри города приобретает политическое значение. Он обостряется с прибытием в Херсонес св. еп. Еферия (Эферия). Ему традиционно приписывается первая существенная победа и создание первого христианского храма. Епископ известен как участник Второго (Константинопольского) вселенского собора 381 г. [Виноградов, 2010, с. 50–65]. В результате конфликта с язычниками св. Еферий вынужден был обратиться за помощью в столицу, откуда ее и получил [Житие епископов херсонских, 2012, с. 39, 93]. Такая поддержка вполне соотносится с историческим контекстом того времени [Виноградов, 2010, с. 54–58].

Тексты Житий позволяют реконструировать ход событий: «подкрепившись достаточной воинской силой, он изгнал нечестивцев из города, а вместо них вселил принадлежащих к партии Христа» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 35]; «И были высланы все неверные из города, лишённые своей собственности, и ушли, рассеянные по земле, как неверные и нечестивые. Вместо этих восставших мужей были поселены благочестивые и правоверные вместе с женами и детьми» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 39]; «Христолюбивый царь, послав немедленно приказ и всесильное воинство, вывел из города всех безобразников, буянов и поборников идолопоклонства, а вместо них ввел туда и поселил сознательно принимающих

правую веру и, по евангельской заповеди, ревностно заботящихся о добродетели» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 93]. Выслано было «500 мужей» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 35, 39].

Исследования А.В. Буйских показали, что город был рассчитан на проживание до 4 000 свободных граждан [Буйских, 2008, с. 137]. Под этим стоит понимать скорее количество семей-оикосов. Высылка 500 «неверных» (стоит понимать семьи-оикосы, что составляло около 12 % населения) коренным образом изменило соотношение сил противников и сторонников христианства. На их место были заселены 500 «верных», среди которых могли быть крещенные сарматы. Это подтверждается увеличением количества сарматских погребений, относящихся к концу IV в. А.В. Иванов демонстрирует, что среди погребений, атрибутированных как христианские, значительный процент составляют обладатели черепов с искусственной деформацией [Иванов, 2016, с. 38–76]. Они распространяются на западном и восточном участках некрополя [Фомин, 2011, с. 51], значительный интерес представляют черепа из склепов, содержащих христианские росписи [Фомин, 2014, с. 338–339; Иванов, 2016, с. 38–76].

События, происходившие в Херсонесе, имеют параллель с позднеантичной Антиохией [Курбатов, 1962, с. 12]. Здесь эллинская муниципальная администрация, стремясь ограничить проникновение в город сирийского населения, противостояла проникновению христианства, которое создавало идеологические предпосылки для уничтожения остатков полисной организации эллинского общества (так же, как и в Херсонесе). По мнению Г.Л. Курбатова, христианство с его проповедью равенства всех уравнивало сирийцев и греков, чем противостояло идеологии муниципальной аристократии, которая поддерживала принципы эллинской и римской исключительности [Курбатов, 1962, с. 12].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что элементом превращения позднеантичного Херсонеса в ранневизантийский Херсон были в том числе и изменения в этническом составе. К III–IV вв. сформировалась малоазийская диаспора, принеся с собой новые погребальные традиции. Влиятельной группой населения города были также выходцы с Дунайских провинций. Они были связаны с римским военным присутствием и могли относиться к военным, представителям администрации, лицам, обслуживавшим военных, или являлись членами их семей. Появляются в городе сарматы. Иностранцы составляли порядка 20–25 % от общего числа жителей. Такое количество мигрантов могло оказывать значительное влияние на многие внутригородские процессы. Все это не могло не вызывать раздражения у коренных жителей Херсонеса. Этот факт может быть одной из причин особенно жесткого сопротивления христианизации, распространявшейся среди приезжих и стиравшей этнические различия и уравнивавшей в правах всех. Подобные процессы известны по другому позднеантичному центру – Антиохии. Изменения политической ситуации в Империи и на ее границах потребовало более жесткой централизации, в которой христианству отводилась значительная роль. Решительные действия со стороны св. еп. Евферия при поддержке центральной администрации привели к высылке из города около 500 граждан (семей) и заселение на их место христиан из числа крещенных сармат. Все это привело к значительной трансформации этнической ситуации в городе в конце IV–V вв.

Список литературы

- Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. Советская археология. 1: 104–122.
- Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, Дар, 349.
- Антонова И.А. Яйленко В.И. 1995. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида. Вестник древней истории. 4: 58–86.
- Белов Г.Д. 1955. Итоги раскопок в Херсонесе в 1949–1953 гг. Советская археология. 24: 257–281.

- Белов Г.Д. 1938. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Севастополь, 352.
- Белов Г.Д. 1940. Херсонесские рельефы. Вестник Древней Истории. 3/4: 266–287.
- Белов Г.Д. 1966. Херсонесские саркофаги. В кн.: Культура античного мира. Москва, Наука: 24–28.
- Буйских А.В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. 8, 421.
- Византийские надписи. IOSPE: Древние надписи Северного Причерноморья. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html>
- Виноградов А.Ю. 2010. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. Москва, Университет Дмитрия Пожарского, 224.
- Высотская Т.Н. 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, Наукова думка, 192.
- Дауни Г. 2014. Газа в начале VI века. Белгород. 2014. 112 с. (Downey G. 1963. Gaza in the Early Sixth Century (The Centers of Civilization Series). University of Oklahoma Press, 172).
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макденан Р. Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г. 2013. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Москва, 520.
- Зиневич Г.П. 1973. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 261.
- Зубар В.М. 1977. Подбійні могили херсонеського некрополя. Археологія. 24: 68–73.
- Зубар В.М. 1976. Про сарматський елемент у пізньоантичному Криму. Археологія. 20: 42–46.
- Зубар В.М., Костромічова Т. І. 1978. Склеп № 20 з некрополя Херсонеса. Археологія. 27: 58–61.
- Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 144.
- Зубарь В.М., Симоненко А.В. 1985. О снаряжении боевых коней первых веков н. э. в Северном Причерноморье. Оружие скифов и сарматов. Киев: 148–156.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. 1986. Новый склеп II–IV вв. н. э. и некоторые вопросы экономического развития Херсонеса. Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. Киев: 101–130.
- Зубарь В.М. 2004. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 729.
- Иванов А.В. 2016. Население античного Херсонеса Таврического – византийского Херсона по данным антропологии. Севастополь, 349.
- Кадеев В.И. 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 144.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). Харьков, 134.
- Курбатов Г.Л. 1962. Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке. Ленинград, 284.
- Литовченко А.Н., Фомин М.В., Чекаль А.Г. 2012. Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса – Херсона. Сугдейский сборник. Киев–Судак, 5: 142–150.
- Масленников А.А. 1982. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н. э. Советская Археология. 1: 33–43.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. 2012. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Наптекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 1. Харьков: Антиквa, 416.
- Назарова Т.А. 1990. К вопросу о физическом типе населения средневекового Херсонеса. (антропологический материал из раскопок часовни в Северном районе города). Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев: 26–31.
- Назарова Т.О. 2002. Населення Херсонеса в I–XIV ст. за антропологічними даними. Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 20.
- Пархоменко М.В., Фомін М.В. 2016. Про час і обставини перебудови синагоги на церкву в Херсонесі. Археологія. 4: 3–13.
- Пятышева Н.В. 1967. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI веках н.э. В кн.: Античное общество. Москва., Наука: 183–185.
- Романчук А.И. 2008. Исследования Херсонеса – Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Византийский город. Тюмень: 544.
- Соколова К.Ф. 1959. Антропологический материал из раскопок Херсонеса. Херсонесский сборник. 5: 73–74.

- Соломоник Э.И. 1997. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. В кн: Евреи Крыма: Очерки истории. Симферополь; Иерусалим: 9–23.
- Соломоник Э.И. 1979. К вопросу о населении Херсонеса Таврического. Античная древность и средняя века. 16: 119–125.
- Сорочан С.Б. 2005. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: 1648.
- Ушаков С.В. 2021. Религиозная ситуация в позднеантичном Херсонесе в IV – середине VII в. (состояние проблемы). Херсонесский сборник. 22: 167–178.
- Фомин М.В. 2015. О культе местночтимых святых в ранневизантийском Херсоне. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Караїзна. 50: 225–232.
- Фомин М.В. 2011. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков, 290.
- Фомин М.В. 2014. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Тюмень, 6: 299–390.
- Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. Москва, 350.
- Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 63: 364 с.
- Webster G. 1969. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. London: A. and C. Black, 330.

References

- Ajbabin A.I. 1984 Problems of the Chronology of Crimean Burial Grounds of the Late Roman Period. Soviet archeology, 1: 104–122 (in Russian).
- Ajbabin A.I. 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol', Dar, 349.
- Antonova I.A. Yailenko V.I. 1995. Chersonesos, the Northern Black Sea Region and the Marcomannic Wars According to the Date Chersonesos Decree of 174 A.D. in Honor of Titus Aurelius Calpurnianus Apollonides. The Journal of Ancient History. 4: 58–86 (in Russian).
- Belov G.D. 1955. Results of Excavations in Chersonesos in 1949–1953. Soviet Archeology, 24: 257–281 (in Russian).
- Belov G.D. 1938. Otchet o raskopkah Hersonesa za 1935–36 gg. [Report on the Excavations of Chersonesos for 1935–36]. Sevastopol', 352.
- Belov G.D. 1940. Chersonesus Reliefs. Vestnik drevnej istorii, 3/4: 266–287 (in Russian).
- Belov G.D. 1966. Chersonesos sarcophagus. In: Kul'tura antichnogo mira. Moscow, Nauka: 24–28 (in Russian).
- Bujskih A.V. 2008 Prostranstvennoe razvitie Hersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu [Spatial Development of Tauric Chersonesos in the Ancient Era]. Simferopol', 8. 421.
- Byzantine Inscriptions. IOSPE. Inscriptions of the Northern Black Sea. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html>.
- Vinogradov A.Y. 2010 «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...» Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i epigrafiki [“The winter of pagan madness has already passed...” The Church and Churches of Kherson in the 4th Century According to Literary Sources and Epigraphy]. Moscow, 224.
- Vysotskaya T.N. 1972. Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu [Late Scythians in Southwestern Crimea]. Kiev, Naukova dumka. 192.
- Downey G. 2014 Gaza v nachale VI veka [Gaza in the Early Sixth Century]. Belgorod, 112. (Downey G. 1963. Gaza in the early sixth century (The Centers of Civilization Series). University of Oklahoma Press, 172.).
- Zolotarev M.I., Korobkov D.Y., Ushakov C.V., McLennan R., Overman A., Oliv'e Dzh., Edvards D., Linstrom G., 2013. Drevnyaya sinagoga v Hersonese Tavricheskom: materialy i issledovaniya Prichernomorskogo Proekta 1994–1998 gg. [Ancient Synagogue in Tauric Chersonesos: Materials and Research of the Black Sea Project 1994–1998]. Moscow, 520.
- Zinevich G.P. 1973. Antropologicheskie materialy srednevekovykh mogil'nikov Yugo Zapadnogo Kryma [Anthropological Materials from Medieval Burial Grounds in Southwestern Crimea]. Kiev.
- Zubar V.M. 1977. Undercut Graves of the Chersonesus necropolis. Arheologiya. 24: 68–73 (in Ukrainian).
- Zubar V.M. 1976. About the Sarmatian Element in Late Antique Crimea. Arheologiya, 20. 42–46 (in Ukrainian).

- Zubar V.M., Kostromichova T.I. 1978. Crypt No. 20 from the Necropolis of Chersonesos. *Arheologiya*. 27: 58–61 (in Ukrainian).
- Zubar V.M. 1982. Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e. [Necropolis of Tauric Chersonesos 1st–4th Centuries A.D.]. Kiev, 144.
- Zubar V.M., Simonenko A.V. 1985. About the Equipment of War Horses of the First Centuries A.D. in the Northern Black Sea Region. In: *Oruzhie skifov i sarmatov* [Weapons of the Scythians and Sarmatians]. Kiev: 148–156 (in Russian).
- Zubar V.M., Sorochan S.B. 1986. New Crypt of the 2th–4th Centuries A.D. and Some Issues of Economic Development of Chersonesos. In: *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervye veka n. e.* [Ancient Culture of the Northern Black Sea Region in the First Centuries A.D.]. Kiev: 101–130 (in Russian).
- Zubar V.M. 2004. Hersones Tavricheskij v seredine I v. do n. e. – VI v. n. e. *Ocherki istorii i kul'tury*. [Chersonesos Taurica in the Middle of the 1st Century B.C. – 6th Century A.D. Essays on History and Culture]. Kharkov: 729.
- Ivanov A.V. 2016. Naselenie antichnogo Hersonesa Tavrichesskogo – vizantijskogo Hersona po dannym antropologii [The Population of Ancient Tauric Chersonesos – Byzantine Cherson According to Anthropological Data]. *Sevastopol'*, 349.
- Kadeev V.I. 1981. Hersones Tavricheskij v pervyh vekah nashej ery [Tauric Chersonesos in the First Centuries A.D.]. Kharkov, 144.
- Kadeev V.I., Sorochan S.B. 1989. Ekonomicheskie svyazi antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (po materialam Hersonesa) [Economic Relations of Ancient Cities of the Northern Black Sea Region (Based on Materials from Chersonesos)]. Kharkov: 134.
- Kurbatov G.L. 1962. Rannevizantijskij gorod: Antiohiya v IV veke [Early Byzantine City: Antioch in the 4th Century]. Leningrad: 284.
- Litovchenko A.N., Fomin M.V., Chekal' A.G. 2012. Syrian Motifs in Early Christian Art of Chersonesos – Cherson. *Sugdejskij sbornik*. Kiev – Sudak, 5: 142–150 (in Russian).
- Maslennikov A.A. 1982. Some Features of the Necropolises of the Cities of the European Bosphorus of the First Centuries A.D. *Sovetskaya arheologiya*, 1: 33–43 (in Russian).
- Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sargsyan T.E., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. 2012. Zhitiya episkopov Hersonskih v kontekste istorii Hersonesa Tavricheskogo [Lives of the Bishops of Kherson in the Context of the History of Tauric Chersonesos]. *Narteks. Byzantina Ukrainensis*, Kharkov, Antikva, 1: 416.
- Nazarova T.A. 1990. On the Issue of the Physical Type of the Population of Medieval Chersonesos (Anthropological Material from Excavations of a Chapel in the Northern District of the City). In: *Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Yugo-Zapadnogo Kryma* [Anthropological Materials from Burial Grounds of South-Western Crimea]. Kiev: 26–31 (in Russian).
- Nazarova T.O. 2002. Naselennya Hersonesa v I–XIV st. za antropologichnymi danimi [Population of Chersonesos in I–XIV Centuries]. Abstract. dis. cand. hist. sciences. Kiev, 20 (in Ukrainian).
- Parhomenko M.V., Fomin M.V. 2016. About the Time and Circumstances Rebuilding of the Synagogue into the Church in Chersonesos. *Arheologiya*, 4: 3–13 (in Ukrainian).
- Pyatysheva N.V. 1967. To the Issue of the Ethnic Composition of the Population of Chersonesos in the 1th – 6th Centuries A.D. In: *Antichnoe obshchestvo*. [Ancient Society]. Moscow, Nauka: 183–185 (in Russian).
- Romanchuk A.I. 2007. Issledovaniya Hersonesa – Hersona: Raskopki. Gipotezy. Problemy: Vizantijskij gorod. [Research of Chersonesos – Cherson: Excavations. Hypotheses. Problems: Byzantine city]. Tyumen: 544.
- Sokolova K.F. 1959. Anthropological Material from Excavations of Chersonesos. *Chersonesos Collection*. Sevastopol', 5: 73–74 (in Russian).
- Solomonik E.I. 1997. Drevnejshie evrejskie poseleniya i obshchiny v Krymu. In: *Evrei Kryma: Ocherki istorii*. [Jews of Crimea: Essays of History]. Simferopol'; Ierusalim: 9–23.
- Solomonik E.I. 1979. On the Issue of Population of Tauric Chersonesos. *Ancient Antiquity and the Middle Ages*. 16: 119–125 (in Russian).
- Sorochan S.B. 2005. Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). *Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Chersonesos (Second Half of the 6th – First Half of the 10th Centuries). Essays of History and Culture]. Kharkov: 1648.
- Ushakov S.V. 2021. The Religious Situation in Late Antique Chersonesos in the 4th – mid-7th Centuries (State of the Problem). *Chersonesos Collection*. Sevastopol', 22: 167–178 (in Russian).
- Fomin M.V. 2015. About the Cult of Locally Revered Saints in Early Byzantine Cherson. *Bulletin of V.N. Karaizn Kharkiv National University*. Kharkov, 50: 225–232 (in Russian).

- Fomin M.V. 2011. Pogrebal'naya tradiciya i obryad v vizantijskom Hersone (IV–X vv.) [Funeral Tradition and Rite in Byzantine Chersonesos (4th – 10th Centuries)]. Kharkov: 290.
- Fomin M.V. 2014 Early Christian Painting of Late Antique Chersonesos. Materials on the Archeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Tyumen, 6: 299–390 (in Russian).
- Shelov D.B. 1972. Tanais i Nizhnij Don v pervye veka n. e. [Tanais and the Lower Don in the First Centuries A.D.] Moscow.
- Yakobson A.L. 1959. Rannesrednevekovyj Hersones. Oчерки istorii material'noj kul'tury [Early Medieval Chersonesos. Essays on the History of Material Culture]. Materials and Research on Archeology of the USSR. Moscow, Leningrad 63: 364.
- Webster G. 1969. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. London: A. and C. Black: 330.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.03.2025

Received 13.03.2025

Поступила после рецензирования 12.05.2025

Revised 12.05.2025

Принята к публикации 14.05.2025

Accepted 14.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фомин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Mikhail V. Fomin, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4092-2950](https://orcid.org/0000-0003-4092-2950)